

НОВЫЕ КНИГИ

УДК 005:001.891

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И СХЕМЫ В МОСКОВСКОМ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ КРУЖКЕ*

В.М. Розин

Институт философии РАН

rozinvm@mail.ru

Автор этой книги является одним из первых учеников создателя Московского методологического кружка (ММК) Г.П. Щедровицкого и известным участником методологического движения. В книге проанализированы основные типы исследований, характерных для ММК: «конституирующие», «эмпирико-теоретические» (псевдогенетический анализ, исследования, опирающиеся на опыт мышления исследователя, экспериментальные исследования), «онтологические» (в рамках содержательно-генетической логики и теории деятельности), «методологические» (антропологические и замыкающие философскую систему), «исследования в рамках ОДИ».

Последняя глава работы посвящена анализу схем и схематизации, практикуемых в ММК. Автором введено понятие «схемы», предложен анализ разных типов схем, проанализированы некоторые особенности методологических схем.

Ключевые слова: Московский методологический кружок, псевдогенетический анализ, содержательно-генетическая логика, теория деятельности, схема.

Глава вторая. **Особенности и типы исследований в содержательно-генетической логике**

1. Исторические предпосылки методологии

Рассмотрим кратко, как замышлялся подход, который сегодня мы можем назвать методологическим. О «методе» первым заговорил Френсис Бэкон, а вовсе не Декарт, как обычно считается. А в «Великом восстановлении науки» он утверждает, что руководящей наукой является «наука о мышлении», но само мышление предварительно должно быть подвергнуто сомнению и

«новому суду»¹. И хотя Бэкон, говоря о методе, имел в виду прежде всего способы изложения знаний («мудрость сообщения»), однако в его работах намечается и более привычное для нас понимание. «Знание же передается другим подобно ткани, которую нужно выткать до конца, и его следует вкладывать в чужие умы таким же точно методом (если это возможно), каким оно первоначально найдено»².

Что же произошло в Новое время, почему Бэкон и Декарт рассматривают мышление как руководящую науку, одновре-

¹ Бэкон Ф. Сочинения в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль (Философское наследие), 1971. – С. 76, 293.

² Там же, с. 343.

* Издательство Некоммерческого научного фонда «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»

менно подвергая традиционное мышление «принципиальному сомнению» (критике)? Каким образом мышление может направлять мысль и на что оно само при этом опирается (уже не имея возможности опираться на Бога)?

Однако в отсутствии Бога остается Разум (ум, мышление), который еще в предыдущую эпоху все больше начинал пониматься в качестве направляющего и осмысляющего начала. Обратим внимание хотя бы на Николая Кузанского, отождествившего ум с душой и приписавшего ему руководящее значение («Ум есть живая субстанция, которая, как мы знаем по опыту, внутренне говорит в нас и судит и которая больше любой другой способности из всех ощущаемых нами в себе духовных способностей уподобляется бесконечной субстанции и абсолютной форме»³).

При этом мышление (ум, разум) тоже начинает (по аналогии с природой) пониматься двояко: в естественном залоге и в залоге искусственном (т. е. и как просто природная способность человека, и как способность, так сказать, искусственная, иначе говоря – окультуренная, «стесненная» искусством). Именно такое окультуренное («законно приниженное») мышление вводится Бэконом и рассматривается им как руководящее начало на том пути, который должен вывести человека из хаоса и помочь овладеть природой. «Здание этого нашего Мира, – пишет Бэкон, – и его строй представляют собой некий лабиринт для созерцающего его человеческого разума, который встречает здесь повсюду столько запутанных дорог, столь обманчивые подобию вещей и знаков, столь извилистые и сложные петли и узлы природы <...> Надо на-

³ Кузанский Н. Соч. в 2 т. – Т. 2. – М., 1980. – С. 400–403.

править наши шаги путеводной нитью и по определенному правилу обезопасить всю дорогу, начиная от первых восприятий чувств <...>, но прежде чем удастся причалить к более удаленному и сокровенному в природе, необходимо ввести лучшее и более совершенное употребление человеческого духа и разума <...> путь к этому нам открыло не какое-либо иное средство, как только *справедливое и законное принижение человеческого духа*⁴.

Отметим два момента. Во-первых, начиная с эпохи Возрождения, когда элиминируется непосредственное участие Творца в управлении мышлением человека, возникает сложнейшая проблема: понять, как «стоя» в мышлении, не выходя из него, управлять мышлением? Во-вторых, «законное принижение» человеческого духа Бэкон, вероятно, понимает именно в ключе управления: как иначе можно понимать термины «направить», «обезопасить», «принижение»?

Но окультуренное, законно приниженное, «стесненное искусством» мышление Бэкон понимает еще и как мышление, которое подчинено новой логике, ориентированной на создание инженерии, и очищено критикой, позволяющей усвоить новые представления. Последнее требование – необходимое условие развития мышления: чтобы мыслить по-новому, люди должны преодолеть традиционно сложившееся мышление и представления. Новая логика вкупе с критикой традиционного разума и есть, по Бэкону, то искусство, которое превращает «предоставленный сам себе разум» в разум (мышление), которым человек может руководствоваться.

«Действительно, – пишет Бэкон, – ведь и обычная логика заявляет, что она производит и доставляет поддержку и помощь

⁴ Бэкон Ф. Цит. соч. – С. 68–69.

разуму; в этом одном они совпадают. Но резкое различие между ними заключается главным образом в трех вещах: в самой цели, в порядке доказательства и в началах исследования. В самом деле, перед нашей наукой стоит задача нахождения не доказательств, а искусств, не того, что соответствует основным положениям, а самих этих положений, и не вероятных оснований, а назначений и указаний для практики. Но за различием в устремлениях следует и различие в действиях. Там рассуждениями побеждают и подчиняют себе противника, здесь – делом природу <...> Индукцию мы считаем той формой доказательства, которая считается с данными чувств и достигает природу и устремляется к практике, почти смешиваясь с нею <...> Ибо и основания наук мы полагаем глубже и укрепляем, и начала исследования берем от больших глубин, чем это делали люди до сих пор, так как мы подвергаем проверке то, что обычная логика принимает по чужому поручительству <...> истинная логика должна войти в области отдельных наук с большей властью, чем та, которая принадлежит их собственным началам, и требовать отчета от самих этих мыслительных начал до тех пор, пока они не окажутся вполне твердыми. Что же касается первых понятий разума, то среди того, что собрал предоставленный самому себе разум, нет ничего такого, что мы не считали бы подозрительным и подлежащим принятию лишь в том случае, если оно подвергнется новому суду, который и вынесет свой окончательный приговор⁵.

Итак, Бэкон (как, кстати, и Декарт) считает, что человек в том случае сможет доверять указаниям мышления, если последнее будет, во-первых, критически осмыслено,

⁵ Там же, с. 74–76.

обосновано в логическом плане (т. е. если мыслитель сможет убедиться в «твердости», «основательности» самых первых начал) и, во-вторых, ориентировано на практические приложения в инженерном духе (победа над природой, использование ее сил и энергий).

Более того, задача построения «науки о мышлении», которую сформулировал в своих трудах Бэкон, показывает, что формирующийся инженерный подход распространяется им на само мышление. Вероятно, Бэкон считает, что мышление, как и все остальное, – это одно из природных явлений, а следовательно, законы мышления можно описать в новой науке. В этом случае на основе выявленных законов можно будет строить и эффективные методы познания <...>

Фактически в своей программе Бэкон формулирует две разные задачи: создать «науку о мышлении», позволяющую описывать методы, и, используя эти методы, построить новые науки. Однако если вторую задачу начинает решать сам Бэкон и продолжает – хотя и иначе – Декарт (и за ними многие другие философы и ученые), то первая задача вплоть до XX столетия в философии так и не была решена.

Причина этого понятна. Философ в лучшем случае может сконструировать в своей теоретической системе идеальную конструкцию, которую он называет мышлением, а создание науки о мышлении предполагает *исследование мышления*. Методы же исследования мышления стали обсуждаться и разрабатываться только в XX веке. Кроме того, вероятно, исследование – задача не философа, а ученого. Когда какой-то философ говорит, что ведет исследование, он, на мой взгляд, или неадекватно осмысляет собственную работу, или же в действи-

тельности выполняет работу ученого, а не философа.

В начале 60-х годов Г.П. Щедровицкий, критикуя традиционную логику и противопоставляя ей содержательную логику как программу исследования мышления, пишет: «Естественным и вполне закономерным итогом разработки логики в этом направлении явилась формула: логика исследует не мышление, а правила формального выведения, логика – не наука о мышлении, а синтаксис (и семантика) языка <...> Одной из важнейших особенностей содержательной логики является то, что она выступает как эмпирическая наука, направленная на исследование мышления как составной части человеческой деятельности»⁶⁷. Но еще раньше в работе «“Языковое мышление” и его анализ» (1957) Щедровицкий обсуждает методы исследования мышления. Однако можно заметить: для того чтобы приступить к исследованию мышления, последнее должно рассматриваться как противопоставленное познающему субъекту, как объект исследования. Но даже Кант еще не мог встать на такую позицию. Он еще понимал мышление как *реальность существующую, а не создаваемую*.

Потребовалась революция мысли, произведенная К. Марксом, чтобы выйти на другое понимание сначала бытия («Главный недостаток всего предшествующего материализма, включая и фейербаховский, заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность*

ность, практика, не субъективно»⁸), а затем, но значительно позднее, – и мышления. Маркс утверждал, что мир – это продукт культурно-исторического процесса и общественной практики людей и что главная задача – не объяснить мир, а его переделать. За этими тезисами Маркса стоят и новая революционная практика, и новые социально-инженерные (технологические) способы мышления.

Важной предпосылкой методологии можно считать влияние свойственного XX веку технологического мироощущения; последнее облегчило намеченное уже Марксом истолкование мышления как деятельности и как объекта преобразования. В 30-е годы XX столетия Л.С. Выготский в работе «Мышление и речь» рассматривает мышление человека как феномен не только естественный, но и творимый самим человеком, который «овладевает» течением собственных психических процессов и «направляет» их на решение стоящих перед ним задач.

Для Щедровицкого возможность не только организовывать, но и управлять мышлением кажется уже само собой очевидной. «Это, – пишет он, – очень важный и принципиальный момент в понимании характера методологии: продукты и результаты методологической работы в своей основе – это не знания, проверяемые на истинность, а проекты, проектные схемы и предписания. И это неизбежный вывод, как только мы отказываемся от слишком узкой, чисто познавательной установки, принимаем тезис К. Маркса о революционно-критическом, преобразующем характере человеческой деятельности и начинаем рассматривать наряду с познавательной де-

⁶⁷ Щедровицкий Г.П. О различии исходных понятий «формальной» и «содержательной» логик // Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 37.

⁷ Там же, с. 39–40.

⁸ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Приложение. – М.: Политгиз, 1940.

тельностью также инженерную, практическую и организационно-управленческую деятельности, которые ни в коем случае не могут быть сведены к получению знаний. И естественно, что методология как новая форма организации мышления и деятельности должна охватить и снять все названные типы мыследеятельности»⁹.

С другой стороны, как о предпосылке методологии можно говорить об общем кризисе традиционной философии после Канта. Философам так и не удалось научно обосновать свою дисциплину и выйти на единственный ее истинный вариант. Существенно размывались принципы традиционной философии и под влиянием гуманитарных, социологических и особенно культурологических исследований как первой, так и второй половины XX века.

Литература

Бэкон Ф. Сочинения в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль (Философское наследие), 1971. – 590 с.

Кузанский Н. Соч. в 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1980. – 471 с.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Приложение. – М.: Политгиз, 1945. – 445 с.

Розин М.В. Научные исследования и схемы в Московском методологическом кружке. – М.: Некоммерч. научный фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2011. – 495 с.

Щедровицкий Г.П. О различии исходных понятий «формальной» и «содержательной» логик // Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – 800 с.

Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Системные исследования: Методологические проблемы. – Ежегодник, 1981. – М., 1981. – 251 с. (Повторно опубликовано в: Г.П.Щедровицкий. Избранные труды. М., 1995.)

---

⁹ Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Системные исследования: Методологические проблемы. – Ежегодник, 1981. – М., 1981. – (Повторно опубликовано в: Г.П.Щедровицкий. Избранные труды. – М., 1995.). – С. 96.